

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ МИРОВОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
им. А.М.ГОРЬКОГО

МЕЖДУНАРОДНЫЕ ЛОМИДЗЕВСКИЕ ЧТЕНИЯ

Изучение литератур и фольклора народов России и СНГ:
Теория. История. Проблемы современного развития

Материалы Международной научной конференции
28–30 ноября 2005 г., г. Москва

Москва
ИМЛИ РАН
2008

З. Д. Джапуа
(Абхазия, г. Сухум)

Константы «потрясений» природы от эпического коня в кавказской Нартиаде

Теория этнопоэтической константности в фольклоре на весьма широком сопоставительном материале разработана В. М. Гацаком¹. По толкованию ученого, этнопоэтические константы — это «совокупность стилевых и сюжетно-повествовательных координат изображаемого фольклорного мира — и всего происходящего в нем — в непосредственном текстовом, притом наследуемом воплощении: вербальном, музыкальном (вокальном и инструментальном), акциональном (например, в обрядах), предметном и т. д. За этим стоит, во-первых, объединяющее представление о фольклоре как о много-субстанциональном явлении, своего рода первой естественной мультимедийной сфере в истории культуры. Во-вторых — убежденность в том, что главное свойство фольклора — любого по виду: словесного, словесно-музыкального, инструментального, хореографического, предметно-изобразительного (орнаментального и пр.) — «память традиции»².

Изучение константных описаний в нартском эпосе в свете концепции В. М. Гацака существенно, на наш взгляд, и для самой теории этнопоэтической константности, оно может выявить новые межэтнические подробности, сходные и специфические черты этнопоэтического видения мира в разноязычных мифоэпических традициях, поскольку нартский эпос сам по себе межэтничен и разноязычен, он является духовным достоянием ряда горских народов Кавказа.

Мы обращаемся к так называемым константам «потрясений» природы, к таким описаниям в нартском эпосе, которые считаются атрибутивными в своем первоначальном смысле и относятся к древним героико-эпическим типам изображения, присущим архаическим памятникам ряда народов³.

Установлено, что интересующие нас описания стадийально предшествовали «метафорической антитезе»⁴. «У метафорической (так наз. славянской) антитезы с утверждением и отрицанием предполагаемого обнаружился ретроспективный фон в виде неметафорических (прямых) описаний потрясений природы при прибытии врага, бое богатырей и др. — в архаической эпике народов Сибири: «потрясения» там мыслятся непосредственными свойствами эпических пер-

сонажей, непременными эффектами их появления и т. д. Таковы их атрибуты (отзвуки есть и в русских былинах)»⁵.

Материалом для нашего анализа этнопоэтических констант кавказской Нартиады послужили: рукописные и опубликованные материалы абхазских нартских сказаний и двуязычные академические издания (в серии «Эпос народов Евразии») адыгской, осетинской и балкаро-карачаевской версий эпоса. Некоторые аналогичные примеры привлекаются из абхазских и адыгских волшебного-героических сказок.

Этнопоэтические константы «потрясений» природы проявляются в различных описаниях нартских персонажей и их действий. Из всего тематического состава данных описаний для анализа мы избрали константы эпического коня, которые и отличаются по своей высокой частотности от подобных «потрясений» природы в контексте нартского эпоса. В статье примеры из каждой версии эпоса даются в хронологической последовательности записей, с тем, чтобы можно было уловить вариантность и версию константной традиции в диахронном плане.

1. В абхазской версии нартского эпоса

1. «Ускан итшы мчрха апсып иахвылкьаз люацвха ирхатвеит, ашьапква адзы итыркьаз июархан нартаа ирыцалеит».

«Тогда пар, вырвавшийся из [ноздрей] его ретивого коня, став дымом, навис над ними [нартами], вода, которая брызгнула от ноги [коня], став потоком, под нартами потекла»⁶.

(Текст записан в 1913 г.)

2. «Мрагыларахьтв пша цвгьак асра иалагеит. Шварыцара[нтв] иааиз [нартаа айшыца] макьана рытшква атшхарпартач ичакхан, ихвеит. [Атшква] апша цвгья анрыс, амц[ква] [р]еипш, атшхарпарта иаванаргьежът, ихвеит. Даргьы [нартаа], рхы ахьыргара рзымдыруа, иааилагьежът. <...> Сасыркуа <...> данпшы, адзвы жвьюангвыла, атвыла рбго, дааиуеит, ихвеит. Апша иасуаз — итшы апынца икылкь-оз афакь аквын».

«Со стороны восхода солнца какой-то сильный ветер поднялся. Кони вернувшихся с охоты [братьев-нартов] пока были привязаны, говорит, к коновязи. Когда по ним [коням], ударил сильный ветер, их, как мух, вокруг коновязи закрутило, говорит. И их [братьев-нартов] так раскидало, что не знали они, куда деваться. <...> Когда Сасыркуа <...> посмотрел, [увидел, что] некий [герой] по небу, круша все на своем пути, приближается, говорит. Ветер, который поднялся, был пар, вырывавшийся из ноздрей его коня»⁷.

(Текст записан в 1946 г.)

3. «Амылхвыз ианизха, <...> ддвыквылт, итшы акармыц (арашь ацкыс еигъын, арашь Сасрыква итшы аквын) даквтваны. Нартаа дырзааигвахо даналага, абжы цвгъахеит. <...> Сасрыква ддвылцны дпылт [Амылхвыз], аха апшатлакв дышьтнахын, дкыднакьо иалагеит. Нас днеин, атшхарпарта инапы аквыршаны икит. Аха атшы апсып дышьтнахын, дханагалт.

Амылхвыз чквын, акармыц иаквтвас, ибжы иргеит: — Сасрыква, акармыц уачамгылан, уапырц! — хва.

Аха Сасрыква (апсра ахыйаз акъмыз дахънеиуаз) имуит. Нас Амылхвыз дтшыжвцит, итшгъы апсып тынчхеит».

«Амылхызов, когда вырос, <...> отправился, сев на своего коня акармыджа ([акармыдж] был лучше, чем араш⁸, араш был конем Сасрыкуа). Когда он [Амылхызов] стал приближаться к нартам, [возник] страшный звук. ...Сасрыкуа вышел, встретил его, но смерч поднял его [Сасрыкуа] и кидать его начал. Потом подошел, обхватил коновязь, [и] стал держаться. Но пар коня [Амылхызова] поднял его [Сасрыкуа] и он оказался в воздухе.

Амылхызов юноша, восседавший на акармыдже, свой голос подал так: — Сасрыкуа, не становись перед акармыджем, уйди!

Но Сасрыкуа (он ведь приходил туда, где была смерть) не согласился. Затем Амылхызов спешился, и пар его коня успокоился»⁹.

(Текст записан не позднее 1955 г.)

4. «Абни Мылхвыз арпыс дылтшыжвлан (ускан, ажвытв, икан арашьгъы, акармыц захъдзызгъы, акармыц зегъы ириааиуазаарын тшыла), абни акармыц даквтваны ичааихеит [нартаа рахъ]. <...> Аюны дазааигвахо даналага, <...> апша цвгъа цысит.

— Икалазеи? — хван, уаю адвы дыквнамыргыло ианалага, Сасрыква днеин, атшхарпарта инапы аквыршаны икит.

Данпшы — акармыц даквтваны адзв даауеит.

— Аа, иаужь, иаужь, машвыр ухъуеит, машвыр ухъуеит! — хва ибжы иргоит, ихвеит, ани иааиуа.

Аха [Сасрыква] имуыква, инап аквыршаны икын, афыр-фырхва [атшхарпарта] даквнаршоит [атшы] апынца икылько апсып. Иара [Мылхвыз арпыс] ус, ус даагылан, данаатшыжвц — апсыпгъы ааихсыгъит, ихвеит. Сасрыквагъы дюагылт».

«Тот Мылхызов юноша сел на коня (тогда, в старину, были и араш, и так называемый акармыдж, акармыдж был сильнее всех коней), сел на этого акармыджа и отправился [к нартам]. <...> К дому, когда он стал приближаться, <...> сильный ветер поднялся. Когда [от этого ветра] невозможно стало стоять во дворе, Сасрыкуа, сказав: — Что случилось? — подошел, обхватил коновязь, [и] стал держаться. Когда он посмотрел, [увидел, что] на акармыдже кто-то едет [к нартам].

— Аа, отпусти [коновязь], отпусти, убьешься, убьешься! — так кричит, говорит, тот, который едет.

Но он [Сасрыкуа], не согласившись с ним, держал [коновязь], обхватив ее, пар, вырывавшийся из ноздрей [коня], вертел его вокруг [коновязи]. Затем, когда [Мылхызов юноша] остановился и спешился, и пар [коня] успокоился, говорит. И Сасрыкуа встал»¹⁰.

(Текст записан в 1969 г.)

Из приведенных вариантов три примера (2, 3, 4) относятся к сюжету о *месте за предков и героических путешествиях*¹¹, а один (1) — к сюжету о *приезде необычного героя к нартам*¹².

Между первым и вторым текстами существует временная дистанция в 33 года, они отличаются в плане содержания и характеризуют разных эпических персонажей — Нарджхьюу и потомка Мылхызовых, хотя, по сути, оба сюжета содержат логически сходные черты: приезд героя к братьям-нартам, брачные состязания и т. п.

Третий и четвертый тексты представляют собой разновременные записи одного и того же нартского сюжета от одного и того же информанта (одаренного сказителя Л. Цнариа). Поэтому текстуальное и позиционное совпадение в обеих записях столь высоко, хотя проявляется варьирование слов, словосочетаний и предложений. Ср., например: «*К нартам/дому когда он стал приближаться, страшный звук/сильный ветер поднялся*». Сказитель в течение 14-ти лет сохраняет даже свою ремарку (правда, в несколько развернутом виде, чем в первой записи) о богатырском коне — акармыдже: [Акармыдж] был лучше, чем араш, араш был конем Сасрыкуа (3). Тогда, в старину, были и араш, и так называемый акармыдж, акармыдж был сильнее всех коней (4).

При этом сама композиция константы остается почти неизменной. Преобладают все же вербальные различия, выражающиеся в вариационных и синонимичных заменах, которые присущи самой памяти сказителя, еще шире — «памяти традиции» (по В. М. Гацаку).

Отсюда видно, что между приведенными примерами нет непосредственной текстологической связи (за исключением двух разновременных записей от одного и того же сказителя), однако, тексты сохраняют близкое вербальное сходство.

II. В адыгской версии нартского эпоса

1. <...> — ЯпэкIъэ пшагъуэ гуэрэнщ,
ЙужьымкIъэ къуанщIэ бзур щолъатэ,
Шы гушIыIум шэтырыр щеухэ,
МаскIэгъуэрэ кыIурихым

Гъуэгунапщитыры елыгъуэ,
 <...> — ЯпэкIэ пщагъуэгуэ щыплъагъур
 Шы пэщхъын гъуэзщ,
 ИужьымкIэ къуалэбзугуэ щылыатэр
 Шы лъэгу вабдзэ ятIэщ,
 Шы гущIыIум шэтыргуэрэ щиухуар
 Сагъындакъ зэпылъщ,
 МаскIэгуэрэ кыIурихгуэ щыплъагъур
 И шы тхъурымбэщ,
 Езыри нарт Пщыбадинокъуэщ.

<...> — Впереди туман клубится,
 Сзади птицы — грачи летают,
 На спине коня раскинут шатер,
 Искры от коня
 Обжигают обочины дороги.
 <...> — То, что кажется туманом впереди, —
 Пар [из] ноздрей коня;
 Птицы, что летают позади, —
 [Комья] из-под копыт коня,
 Шатер на спине коня —
 Натянутый лук;
 Что тебе кажется искрами изо рта коня —
 Пена его коня.
 Сам он — нарт Пшибадыноко¹³.

(Текст записан в XIX в.)

2. И Тхъуэжъейм зыреч,
 <...> И шы лъабжъэм кыщIидзар
 КъуанщIапцIэу мэхуарзэ,
 И шы пэбзийм кърихуам
 Гъуэгу напщитыры нелыгъуэ.

Рванулся его Тхожей,
 <...> Что копыта коня выбивают —
 Кружится, словно стая грачей;
 Что из ноздрей коня вылетают —
 Опаляет обочины дороги¹⁴.

(Текст записан в 1949 г.)

3. — И пэр пшагъуэ мащIэщ,
 И щхъэщыгум къуанщIэр щохуарзэ,

Ибгъухэм самырыр щоджэгу,
 И пхэщIми шэтырыр щыухуаш.
 <...> — Абы и пэ пшагъуэ мащIэр
 И шы пэщхъын бахъэрщ.
 И щхъэ щыгум къуанщIэу итыр
 И шы лъэгум кыщIэху
 Шылыэгу вабдзэрщ.
 И бгъуитIым самыру щыджэгур
 И лъэрыгъитIырщ.
 И пхэщIым шэтыр щыухуар
 И шы пхэщI тхъурымбэрщ.

— Перед ним — небольшой туман,
 Над ним грачи летают,
 А по бокам самыры играют,
 На крупе [коня] [раскинут] шатер.
 <...> — Небольшой туман перед ним —
 Пар из ноздрей коня.
 Грачи над его головой —
 Это комья земли, летающие из-под копыт.
 По бокам — два стремени, [и рядом]
 Играют два самыра.
 Шатер над конем —
 Пена с коня¹⁵.

(Текст записан в 1949 г.)

4. Э-а, ишы лъэгу чIэзырэр
 Э-а, къочIапцIэ-къочIэфэу
 Э-а, ошгъопщым щэбыби.
 ...Э-а, ишы пэбзджынитIу къихрэгъозым
 Э-а, гъогу напцэр ылэу,
 Э-а, ишы тхъубэу IукIырэр
 Э-а, шатрэу мэуцуа.

Э-а, что из-под копыт коня вылетает,
 Э-а, черно-белыми комьями
 Э-а, взлетает до неба,
 ...Э-а, пламя из ноздрей коня,
 Э-а, опаляет траву у дороги.
 Э-а, пена коня,
 Э-а, раздувается, словно шатер¹⁶.

(Текст записан в 1960 г.)

Адыгские варианты константы нартского коня встречаются в сказаниях о *приезде необычного героя к нартам*. По своей композиции и плану выражения адыгские константы богатырского коня представлены, можно сказать, в двух версиях. Из приведенных четырех примеров три относятся к одной версии (1, 2, 3), а один — к другой версии (4). Примеры первой версии, что примечательно, весьма близко напоминают диалогическую структуру метафорической (славянской) антитезы.

III. В осетинской версии нартского эпоса

1. Лæппу бæхыл йæ разæй цæуы, æмæ йæ бæх йæ фындзы хуынчъыты тæфæй йæ алыварс мит мусуат бæрц тайын кæны. Уырызмаг та йæ фæдыл сурыл цæуы¹⁷.

Мальчик едет на лошади перед ним [Урызмагом], и его лошадь паром своих ноздрей заставляет таять снег вокруг себя на пространстве гумна. Урызмаг же едет за ним посуху¹⁸.

(Текст записан в 1867 г.)

2. Лæппу йæ бæх сифтыгъта æмæ ашыди йæ разæй. Бæх куы шыди, уæд мит сау кодта йæ комы тæфæй. Уырызмаг дæр йæ фæдыл шыд¹⁹.

Мальчик обрядил коня и поехал вперед. Когда конь шел, то снег чернел от пыла его рта. Урызмаг же ехал по его следам²⁰.

(Текст записан в 1887 г.)

3. Сослан будурмæ рацудæй æма уйнуй:
Фæндагбæл мегъи пъæсту æрбацæуей,
Мегъи пæстуæй æ сæрти тæхуй сау халæнттæ
Æ фæсте ба зиннуй готони ауæдзæ.
Ни-йимæ-цæуй, аæма разиннуй æлбеги фурт минги Тотраз.
Мегъи пъæсту — æ бæхи коми тулфæ,
Сау халæнттæ — æ бæхи къубарæ,
Готони фæд — æ бæхарци фæд.
Саргъбæл уæлгоммæ хуссуй сувæллон —
Æлбеги фурт минги Тотраз²¹.

Выехал Сослан в степь и видит:
По дороге облако приближается,
Над облаком летают черные вороны,
А за ним виднеется борозда от плуга.
Подъехал [Сослан] и видит:
Это сын Албега, маленький Тотраз.
Облако — пар от дыхания его коня,

Черные вороны — комья земли, [что вылетают из-под копыт коня].

След от плуга — след его пики.

Откинув голову, спит ребенок в седле,

Сын Албега, маленький Тотраз²².

(Текст записан в 1901 г.)

4. Йæ бæхы комы тæф нарты адæмы сита уæлдæфы, чи та сæ бæлæстыл наххæцыди²³.

Пар от дыхания его коня поднял нарто в воздух, кое-кто из них вцепился в деревья²⁴.

(Текст записан в 1939 г.)

Большая часть осетинских примеров описаний богатырского коня наличествует в сказаниях о *месте за предков и героических путешествиях* (1, 2, 4). Так же, как и адыгские варианты, осетинские константы тоже подразделяются на две основные разновидности. Одна из них близка к метафорической антитезе (3). Специфика другой разновидности константы заключается в том, что в ней устойчивая формула *пар из ноздрей коня* приобретает некоторое своеобразное, в каком-то смысле «утилитарное» значение — от этого пара тает снег.

IV. В балкаро-карачаевской версии нартского эпоса

1. Бурунундан чыкыгъан тылпыу, тюзлени тул-туман этгенди, ызындан келгенлæ, къайры барлыкъларын кёрмей, жолдан ажашхандыла.

Пар, вырывающийся из его [коня] ноздрей, словно туман, окутал всю равнину, и скачущие за ним [нарты], не видя дороги, сбились с пути²⁵.

(Текст записан в 1958 г.)

2. Аякъларындан чачылгъан суу
Усхуртукланы нарт эллери
Жауун болуп, жаугъанды,
Бурунундан ургъан тылпыу,
Туман болуп, ол эллени басханды.

Брызги, летящие из-под его копыт,
На аулы Схуртуковых
Дождем выпали,
Пар, исходящий из его ноздрей,
Подобно туману, окутал их аулы²⁶.

(Текст записан в 1958 г.)

3. Онг жанында кюн тийгенлей,
 Сол жанында кьоянла ойнай.
 Кьоянла дегенинг, шулай, не дейим —
 Чилле кьамичисини учусуду,
 Кюн кёзю дегенинг — кийген кюбеси.
 Атыны аллында алаша туман кьайнай,
 Туманла ичинде чаукала ойнай.
 Туманла дегенинг, шулай, не дейим —
 Бурун тешигинден чыкьгъан тылпыуду.
 Чаукала дегенинг, шулай, не дейим —
 Аягьындан чыкьгъан зылдыладыла.

Справа от него — солнце светит,
 Слева от него — зайцы прыгают.
 То, что зайцами показалось, —
 Конец его шелковой плети.
 То, что солнечным диском показалось, — [блестящая]
 Кольчуга на нем.
 Перед его конем низкий туман стелется,
 В том тумане галки летают.
 То, что туманом я назвал, —
 Пар, вырывающийся из ноздрей [его коня].
 То, что галками я назвал, —
 Ископыт [его коня]²⁷.

(Текст записан в 1959 г.)

4. Гемуда чапханда, ташла от чагьып,
 Кёкде жулдузла болгъандыла.
 Бир бурун тешигинден ургъан тылпыу — жай,
 Экинчисинден ургъан — кьыш этгенди.

Искры, летящие [из-под копыт] Гемуды при его беге,
 [Улетев в] небо, в звезды превращались.
 [Горячий] пар, исходящий из одной его ноздри, [зиму] в лето пре-
 вращал,

А [холодный] пар из второй ноздри [лето] в зиму превращал²⁸.
 (Текст записан в 1965 г.)

В балкаро-карачаевских сказаниях исследуемые константы чаще встречаются в том же сюжете о *приезде необычного героя к нарт* (1, 2, 3). Следует отметить, что в данной версии эпоса выделенные описания более разнообразны, чем в других версиях Нартиады. Описа-

ния, имеющие форму метафорической антитезы, и другие поэтические конструкции образуют различные пучки воплощений. В частности, любопытно, что в некоторых балкаро-карачаевских описаниях одна ноздря коня выпускает горячий пар, а другая — холодный (4), тем самым магические возможности коня и героя несколько расширяются, чем в осетинском эпосе, где от *пара из ноздрей коня тает снег*.

Аналогичные константные описания богатырского коня обнаруживаются и в волшебнo-героических сказках. Об этом свидетельствуют примеры из абхазских и адыгских сказок:

1. «Ашта дталеит, атшы апынца икылькьоз афакь мацара ааигва уа-
 юы дыквнамыргыло, ацлакв хыртаруа».

«Во двор заехал, пар, вырывающийся из ноздрей [его] коня, нико-
 му не давал устоять, склонял деревья»²⁹.

2. «Мыбы зы шу хуабжь кьокIуэри зытесыр шы бырулщ, и пэ бзи-
 итIымкIэ мафIэр кьыреху».

«Сюда один всадник лихой едет, он на буланом коне, из его [коня]
 ноздрей пламя вылетает»³⁰.

3. «И пэ бзийм мафIэ кьрихум гьуэгу, напщIитIыр илыгьуэу».

«Из его [коня] ноздрей пламя, вылетающее обе обочины дороги
 опалает»³¹.

Подведем некоторые предварительные итоги.

Данные константы в большинстве своих вариантов представляют собой следующую конструкцию: сначала сообщается о выезде героя из своего локуса, а затем описывается реакция природы на его появление в мире нартов (I. 1, 3, II. 1, 2, 3, 4, III. 1, 2, 3, 4, IV. 1, 2, 3, 4). Лишь в одном абхазском варианте мы встречаем обратную конструкцию — появление героя вслед за потрясениями природы (I. 2). Своеобразие описания выражается еще и в том, что богатырь в нем представляется преимущественно через гиперболизированный облик своего коня. Наиболее устойчивая часть этих констант, как правильно определяет А. И. Алиева, рассматривая сходные с нашими примерами описания в адыгской волшебной сказке, — это «огнедышащий» конь³². На устойчивые описания богатырского коня («*пламя/искры из ноздрей коня обе обочины опалает/-ют*») обратил внимание В. М. Гацак, выделяя этнопоэтические константы в нартском эпосе³³. И действительно, в большинстве выделенных вариантов константы «*пар/огонь из ноздрей коня*» (I, II, III, IV) и «*комья земли/брызги/искры из-под копыт коня*» (I. 1, II. 1, 2, 3, 4, III. 3, IV. 2, 3, 4) весьма популярны во всех сравниваемых версиях эпоса.

Интересные аналогии обнаруживают эти константы и в более отдаленных эпических традициях. В. И. Абаев, например, параллели к интересующим нас описаниям находит в ирландских сагах и русских былинах. В ирландских сагах возница Лугайда говорит: «Какой-то всадник приближается к нам. *Словно все вороны Ирландии несутся над ним, а перед ним будто от хлопьев снега пестреет равнина*». Лугайд объясняет: «То, что кажется тебе птицами, — это комья земли из-под копыт. <...> Снег — пена с морды коня». В русских былинах: «Да проехала паляница удалая, / Да его храбра поездка молодецкая, / Да ископыт у коня мётана / По целой-то овчине барановой, / У коня изо рта-то пламя маше. / Из ноздрей у коня да кудряв дым валит»³⁴.

Приведем еще несколько примеров, свидетельствующих о трансконтинентальности выделенных этнопоэтических констант, из книги Р. С. Липец «Образы батыра и его коня в тюрко-монгольском эпосе». В якутском эпосе: «И пар, выдыхаемый конем, / Превращался в ледяные комья, / <...> Копыта коня откалывали землю / И разбрасывали на протяжении / Однодневного пути пешего человека». В башкирском эпосе: «Там, где касалось его копыто, / Озеро создавал Акбузат». В алтайском эпосе «пар из ноздрей коня серым туманом пышет»; «от дыхания коней туман поднимается»³⁵.

Итак, анализируемые константы, с одной стороны, обладают своей спецификой в каждой национальной версии эпоса. Они отличаются своей композицией, сюжетно-контекстуальными подробностями, устойчивостью и вариативностью в пределах отдельно взятой традиции. Поэтому применительно к каждой нартской традиции можно говорить о различных вариантах и версиях константных описаний, и каждая версия или вариант может иметь свои разновидности. С другой стороны, описания эти во всех версиях нартского эпоса так или иначе обнаруживают сходные черты в плане сюжетики, семантики и изобразительности.

Абхазские варианты описаний эпического коня в большей части однотипны, сохраняют почти полное сходство, обнаруживают лишь вариационные различия. И «потрясения» природы здесь мыслятся атрибутивно, не метафорически, а в «прямом» значении. Варианты других традиций более разнообразны. В них наблюдается тенденция к переходу описания «потрясений» природы к метафорической антитезе, т. е. сравнительно более поздней форме изобразительности. Именно подобные описания, применяющие форму метафорической антитезы, обнаруживают самое близкое сходство в адыгской, осетинской, балкаро-карачаевской версиях нартского эпоса. Различия здесь несут вариационный характер. Например, уподобляемые образы:

туман (в адыгском), *облако* (в осетинском и балкаро-карачаевском) или *вороны* (в адыгском и осетинском), *зайцы* (в балкаро-карачаевском) и т. п.

Межэтническая переключка рассматриваемых констант доказывает еще и тем, что во всех основных версиях нартского эпоса описания эти содержатся преимущественно в двух сюжетных линиях — о приезде необычного героя к нартам и о мести за предков и героических путешествиях. В этой связи следует сказать, что данные сюжетные линии не самые древние в нартском эпосе, но они весьма встречаемы, развернуты и разнообразны именно в осетинской, балкаро-карачаевской и адыгской традициях. Отсюда понятна и развернутость описаний огнедышащего коня в этих версиях и вариантах.

Оказалось, что приведенные константы межжанровы, являются общими «и для волшебной сказки, и для нартского эпоса»³⁶. Сюжетная, семантическая, текстуальная близость и специфичность констант богатырского коня в абхазской, адыгской, осетинской и балкаро-карачаевской эпических и сказочных традициях показательны в плане глубинности и жанрово-повествовательной трансмиссии этнопоэтической константности в устном фольклоре. По сути своей константы «потрясений» природы (в частности, описания эпического коня) в кавказской Нартиаде предстают как особый мифоэпический взгляд на мир.

¹ Гацак В. М. Метафорическая антитеза в сравнительно-историческом освещении // История, культура, этнография и фольклор славянских народов: VII Международный съезд славистов. М., 1973. С. 286–306; *Он же*. Устная эпическая традиция во времени. Историческое исследование поэтики. М., 1989; *Он же*. Текстологическое постижение многомерности фольклора // Современная текстология: Теория и практика. М., 1997. С. 103–112; *Он же*. Экспериментальная текстология фольклора (на славянском и неславянском материале). Доклад для XII Международного съезда славистов в Кракове. М., 1998; *Он же*. Пространство этнопоэтических констант // Народная культура Сибири: Материалы VIII научно-практического семинара Сибирского регионального вузовского центра по фольклору. Омск, 1999. С. 109–112; *Он же*. Фольклор — память традиции (уровни и формы этнопоэтической константности) // Вестник Дагестанского научного центра. Махачкала, 2000. № 8. С. 94–103; *Он же*. О путях добирания текстовых сущностей в новых томах сибирско-дальневосточной серии памятников фольклора // Фольклор и литература Сибири: Памяти Александра Бадмаевича Соктоева. Новосибирск, 2001. С. 117–126; *Он же*. Этнопоэтические константы в фольклоре: уровни, изоглоссы, «мультимедийные» формы (на славянском и неславянском материале) // Литература, культура и фольклор славянских народов. XIII Международный съезд славистов (Любляна, август 2003). М., 2002. С. 311–324.

² Гацак В. М. Этнопоэтические константы в фольклоре: уровни, изоглоссы, «мультимедийные» формы (на славянском и неславянском материале). С. 311.

³ Смирнов Ю. И. Сходные описания в славянских эпических песнях и их значение // Славянский и балканский фольклор. М., 1971. С. 101–110; Гацак В. М. Метафорическая антитеза в сравнительно-историческом освещении. С. 304–306; Джапуа З. Д. Эпико-фантастические (атрибутивные) описания в абхазском нартском эпосе // Труды Абхазского государственного университета. Т. 6. 1988. С. 103–113.

⁴ Специфика «метафорической антитезы», по определению А. А. Потебни, такова: «предполагается символ в виде положения или вопроса, и вслед за тем отрицается, а на место его ставится обозначаемый предмет» (Потебня А. А. О некоторых символах в славянской народной поэзии. Харьков, 1914. С. 3). «Один из видов... славянской антитезы состоит из вопросительного предложения, отрицательного параллелизма, являющегося отрицательным ответом на вопрос, и, наконец из утверждения», — писал П. Г. Богатырев (Богатырев П. Г. Некоторые задачи сравнительного изучения эпоса славянских народов // Исследования по славянскому литературоведению и фольклористике: Доклады советских ученых на IV Международном съезде славистов. М., 1960. С. 221).

⁵ Гацак В. М. Этнопоэтические константы в фольклоре: уровни, изоглоссы, «мультимедийные» формы (на славянском и неславянском материале). С. 313.

⁶ Материалы абхазского фольклора (Из архива акад. Н. Я. Марра) / Подгот. текстов, вступ. ст. и примеч. С. Л. Зухбы. Сухуми, 1967. С. 15. (На абх. яз.).

⁷ Шинкуба Б. В. Золотые россыпи: Абхазские устные народные сказания и этнографические материалы. Сухуми, 1990. С. 248–249. (На абх. яз.).

⁸ Арац — крылатый богатырский конь.

⁹ Бжания Ц. Н. Из истории хозяйства и культуры абхазов: Исследования и материалы. Сухуми, 1973. С. 290. (Тексты на абх. яз.).

¹⁰ Абхазский фольклор: Записи Артура Аншбы / Сост., текстолог. упорядоч. записей, предисл., коммент. и указатели З. Д. Джапуа. Сухум, 1995. С. 123. (На абх. яз.).

¹¹ См.: Джапуа З. Д. Нартский эпос абхазов: Сюжетно-тематическая и поэтико-стилевая система. Сухум, 1995. С. 136.

¹² См.: там же. С. 104–105.

¹³ Нарты: Адыгский героический эпос / Сост. А. И. Алиевой, А. М. Гадагатля, З. П. Кардангушева; вступ. ст. А. Т. Шортанова; пер. А. И. Алиевой; коммент. А. И. Алиевой и З. П. Кардангушева. М., 1974. С. 107–108, 258.

¹⁴ Там же. С. 98, 248.

¹⁵ Там же. С. 101, 251–252.

¹⁶ Там же. С. 94, 244.

¹⁷ Нарты: Осетинский героический эпос в трех книгах. Кн. 1 / Сост. Т. А. Хамицаевой и А. Х. Бязырова; вступ. ст. В. И. Абаева; пер. А. А. Дзантиева и Т. А. Хамицаевой; коммент. и глоссарий Т. А. Хамицаевой. М., 1990. С. 122. (На осет. яз.).

¹⁸ Нарты: Осетинский героический эпос в трех книгах. Кн. 2 / Сост. Т. А. Хамицаевой и А. Х. Бязырова; вступ. ст. В. И. Абаева; пер. А. А. Дзантиева и Т. А. Хамицаевой; коммент. и глоссарий Т. А. Хамицаевой. М., 1989. С. 53.

¹⁹ Нарты: Осетинский героический эпос в трех книгах. Кн. 1. С. 126.

²⁰ Нарты: Осетинский героический эпос в трех книгах. Кн. 2. С. 57.

²¹ Нарты: Осетинский героический эпос в трех книгах. Кн. 1. С. 362.

²² Нарты: Осетинский героический эпос в трех книгах. Кн. 2. С. 385.

²³ Нарты: Осетинский героический эпос в трех книгах. Кн. 1. С. 415.

²⁴ Нарты: Осетинский героический эпос в трех книгах. Кн. 2. С. 469.

²⁵ Нарты: Героический эпос балкарцев и карачаевцев / Сост. Р. А.-К. Ортабаевой, Т. М. Хаджиевой и А. З. Холаева; вступ. ст., коммент. и глоссарий Т. М. Хаджиевой; пер. Т. М. Хаджиевой и Р. А.-К. Ортабаевой. М., 1994. С. 192, 454.

²⁶ Там же.

²⁷ Там же. С. 234, 518.

²⁸ Там же. С. 176, 437.

²⁹ Абхазские сказки. Т. 1 / Сост. К. С. Шакрыла, Х. С. Бгажбы. Сухуми, 1965. С. 131. (На абх. яз.).

³⁰ Алиева А. И. Поэтика и стиль волшебных сказок адыгских народов. М., 1986. С. 136.

³¹ Там же. С. 136–137.

³² Там же. С. 136.

³³ Гацак В. М. Фольклор — память традиции (уровни и формы этнопоэтической константности). С. 97.

³⁴ Абаев В. И. Нартовский эпос осетин. Цхинвали, 1982. С. 104.

³⁵ Липец Р. С. Образы батыра и его коня в тюрко-монгольском эпосе. М., 1984. С. 147, 150, 154.

³⁶ Алиева А. И. Поэтика и стиль волшебных сказок адыгских народов. С. 137.